

СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В НИВХСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ОТЛИЧИЕ ОТ СЛОВСОЧЕТАНИЙ (К ПРОБЛЕМЕ СЛОВА)

В нивхском языке словосложение является одним из наиболее продуктивных способов образования новых слов (прежде всего и в основном имен существительных), что связано с относительно ограниченными возможностями морфологического способа словообразования. Анализ этого способа словообразования представляет собой значительный интерес, но вместе с тем и большие трудности. В основном они связаны с различием сложных слов и словосочетаний, т. е. установлением признаков слова в составе словосочетаний в его отличиях от компонентов сложного слова, поскольку до настоящего времени остается спорным вопрос о критериях, которые позволили бы это сделать и были бы пригодны для любого случая и во всех языках, несмотря на многочисленные попытки установить такого рода критерии¹.

Исследователи агглютинативных языков неоднократно отмечали, что во многих из этих языков некоторые типы словосложения осуществляются на основе норм словосочетаний, которые являются действующими до настоящего времени². В соответствии с этими нормами зависимые члены либо получают определенные морфологические показатели, выражающие их отношение к господствующим членам, либо отношение зависимого члена к господствующему выражается только порядком слов, т. е. примыканием. При таком положении, по-видимому, исключается возможность возникновения устойчивых словосочетаний данного типа в целях обозначения тех или иных единичных понятий, так как для этого сразу же могут быть образованы сложные слова, поскольку соответствующая словообразовательная модель уже существует в языке.

В нивхском языке образование всех типов сложных существительных происходит на основе действующих норм словосочетаний (примыканий), в соответствии с которыми зависимые члены словосочетаний не получают никаких морфологических показателей для обозначения их отношения к господствующим членам. Модели сложных существительных в нивхском языке по своей морфологической структуре ничем не отличаются от моделей соответствующих им словосочетаний; ср.: *уткуо'ла* «мальчик» (сложное слово — из *утку* «мужчина» и *о'ла* «ребенок»), но *утку му* «лодка мужчины» (словосочетание); *чат'фн'ид* (в.с.-д.³) «щука» (сложное слово — из *чат'ф* «болото», *фид* ~ *п'ид* «находиться»), но *ни чат'ф н'ид* (в.с.-д.) «Я в болоте находился» и т. д.

Тождество морфологической структуры словосочетаний и сложных слов, аналогичных первым по характеру смысловых отношений своих компонентов, по-видимому, явилось причиной того, что некоторые ученые, занимавшиеся нивхским языком, вообще не отграничивали сложные слова от соответствующих им словосочетаний⁴. Ниже путем анализа сложных существительных в нивхском языке мы попытаемся определить те признаки, которые отличают сложные слова от словосочетаний.

По происхождению сложные слова в нивхском языке делятся на две группы: сложные слова, возникшие на основе уже существующих словообразовательных моделей, и сложные слова, явившиеся результатом перерастания синтаксических словосочетаний в лексические образования. Различие между этими двумя группами сложных слов заключается в том, что образование сложных слов второй группы не имеет типового характера, образование же собственно сложных слов (первая группа) носит обобщенный, грамматический характер.

Проводя аналогию между синтаксическими отношениями членов словосочетания и смысловыми (синтаксико-семантическими, по терминологии некоторых авторов) отно-

¹ См., например, А. И. Смирницкий, К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова»), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952.

² См., например: Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 47 и 224; Д. В. Бурбах, Историческая морфология финского языка, М.—Л., 1955, стр. 152; Й. Балаша, Венгерский язык, М., 1951, стр. 161—163, 165; Э. В. Селортян, К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках, сб. «Вопросы теории и истории языка...», стр. 316—319.

³ Здесь, как и в дальнейшем, принято сокращение в.с.-д. — восточно-сахалинский диалект нивхского языка. Примеры из Амурского диалекта, записанные нами в с. Кальма от нивхов Афанасия Ильича Будана и Марии Николаевны Пухты, даются без указания на диалект. В статье принята следующая транскрипция: *h* — фарингальный глухой щелевой; *g'* — звонкий заднеязычный щелевой (*γ*); *n'* — заднеязычный сонант; знак *ч* над графемой означает веларность соответствующего согласного; знак *'* при обозначении смычных — придыхательность соответствующего смычного.

⁴ См., например: «Образцы материалов по изучению гильдяцкого языка и фольклора, собранных Л. Я. Штернбергом». Отт. из «Изв. Имп. Акад. наук», т. XIII, № 4 (ноябрь 1900), СПб., 1901, стр. 433; Е. А. Крейнович, Фонетика нивхского, (гильдяцкого) языка, М.—Л., 1937, стр. 26—35.

нениями компонентов сложного слова, сложные слова делят на подчинительные и сочинительные. В свою очередь подчинительные сложные слова по тому же принципу делят на два типа: а) определительные, где семантические отношения компонентов носят атрибутивный характер, как и в соответствующих словосочетаниях, б) объектные, в которых, как и в соответствующих им словосочетаниях, первый компонент конкретизирует действие, обозначаемое вторым компонентом. Будучи основана на структурных признаках различных типов сложных слов, такая классификация имеет особое значение для тех языков, в которых модели сложных слов совпадают с моделями тех или иных типов словосочетаний. Не следует, однако, забывать, что смысловые отношения компонентов сложного слова характеризуют скорее процесс его образования, чем само сложное слово.

1. Сложные существительные подчинительного типа

а) **Определительно-подчинительные сложные существительные.** Сложные существительные этого типа в нивхском языке в качестве второго компонента — определяемого — обычно имеют имя существительное, в качестве же первого — определения — имеют имя существительное, прилагательное, причастие¹ и числительное.

Самую большую группу определительных сложных существительных составляют те, которые образованы из двух существительных, взятых в форме основы (в форме абсолютного падежа; эту форму имеет существительное также в тех случаях, когда выступает определением), таковы: *мизиг'р / музиг'р* «уключины» (*му* «лодка», *тиг'р* ~ *зиг'р* «дерево»), *мифсай* «родник» (*миф* «земля», *чай* «вода»), *ватт'уг'р* (в.-с. д.) «кресало для высекания огня» (*ват* «железо», *т'уг'р* «огонь»), *Тлым'аур* «Полярная звезда» (*тлы* «небо», *н'аур* «мозг»), *Няг'рнэ* — название одного из созвездий (*няг'р* «крыса», *нэ* «амбар») и мн. др.

Некоторые сложные существительные этого типа имеют общий компонент, передающий родовое понятие, по отношению к которому понятия, выражаемые первыми компонентами этих слов, являются видовыми. Примеры: 1) *кэйзиг'р* «лиственница», *тфыскизиг'р* «ель», *Колдовиг'р* «кедр», *хилтиг'р* «слайник», *кмыйзиг'р* «дуб» и др.; 2) *вельчо* «летняя кета», *лыг'исо* «осенняя кета», *тэн'исо* «горбуша», *т'укисо* «осетр», *п'арксо* «кадуга» и др.; 3) *мыз'ралс* «брусника», *хойн'илс* «смородина», *тымалс* «клюква», *т'ышкалс* «голубика» и т. д. Во всех этих случаях вторые компоненты (*тиг'р* ~ *зиг'р*, *чо* ~ *со*, *алс*) передают родовые понятия — «дерево», «рыба», «ягода», а первые компоненты указывают на конкретные виды деревьев, рыб, ягод². Первые компоненты некоторых из таких сложных слов самостоятельно не передают того понятия, которое выражается всем сложным словом, например: *весо* «верхогляд» (рыба), *няг'ралс* «жирность», где *са* «сабля», *няг'р* «крыса» (ср. также имеющие общий компонент *н'ых* названия помещений для животных, а также названия месяцев, бухт, мысов и т. д.). В этих словах понятия, являющиеся видовым по отношению к понятию, передаваемому вторым компонентом, выражаются всем сложным словом в целом, а не его первым компонентом.

В некоторых случаях последний компонент сложных слов, являющийся общим для целого ряда их, по существу выполняет роль формального грамматического показателя. Так, для обозначения детеныша животного к названию животного присоединяется слово *нонй* «детеныш», например: *эг'а* «корова», *эг'анонй* «теленок»; *мур* «лошадь», *мурнонй* «жеребенок»; *к'ыск* «кошка», *к'ыскнонй* «котенок» и т. д. Для выражения понятия пола животных аналогичным образом используются слова *ар* «самец», *ань* «самка», например: *мур* «лошадь», *мурар* «жеребенок», *мурань* «кобыла»; *кан* «собака», *канар* «кобель», *канань* «сука»; *эг'а* «корова», *эг'аар* «бык», *эг'ань* «корова» и т. п. В последнем случае общий для всех этих сложных слов компонент *ар* или *ань* может ставиться как на первом, так и (чаще всего) на втором месте.

Значительно реже, чем образование сложных существительных путем сложения двух существительных, в нивхском языке происходит образование сложных имен существительных: 1) из прилагательного и существительного, 2) из причастия и существительного. К этого рода сложным существительным относятся, например: 1) *пилало* (*пила* «большой», *чо* ~ *со* «рыба») «осетр», ср. в том же значении *т'укисо*; *н'алм(а)* «первый слой ююлы с кожей» (*н'ал* ~ *н'ар* «жирный», *ма* «ююла»), *мать-токонь* «мизинец» [*мать(ки)* «маленький», *токонь* «коготь, ноготь»], *маты'а* — название одного из видов нерпы [*мать(ки)* «маленький», *н'а* «зверь»], *калзиг'р* «осина» (*кала*

¹ В нивхском языке причастие по своей форме совпадает с основой глагола и не различает действительного и страдательного значения. О прилагательных здесь говорится условно, поскольку качественные слова в нивхском языке входят в систему глагола.

² Отметим, что вторые компоненты таких сложных существительных, указывающие на родовое понятие, могут опускаться.

«зеленый», *тигр* ~ *аиг'р* «дерево») и т. д.; 2) *пыму* «самолет» (*пыи* «летающий» и *му* «лодка»), *аг'уг'р* «кремень» (*аг* «бльющий, битый», *уг'р* «огонь»), *полм'ар* (в.-с. д.) «валенок» (*пол* «падающий, упавший», *ч'ар* «дерево, лес»), *к'ырк'е* «закидной невод» (*к'ыр* «закидываемый, закидной», *к'е* «невод»), *к'езк'е* «ставной невод» (*к'ез* «ставящийся, ставной», *к'е* «невод») и т. п.

Семантические отношения компонентов этого типа сложных слов в отличие от сложных слов, состоящих из двух существительных, характеризуются единообразием и сводимы к семантическим отношениям членов атрибутивного словосочетания определение + определяемое: первый компонент в таких сложных существительных обычно поясняет, конкретизирует второй компонент; в целом значение такого сложного слова является менее общим, чем значение его второго компонента.

Двухсоставные сложные имена существительные с числительным в качестве первого компонента встречаются редко¹.

В нивхском языке среди сложных существительных определительного типа выделяются слова, состоящие обычно из трех знаменательных компонентов. Как и в двухкомпонентных существительных, в них можно выделить два члена, смысловые отношения которых носят атрибутивный характер. Из них, однако, первый член, поясняющий и конкретизирующий второй, в свою очередь состоит из двух компонентов (обычно — из существительного и причастия), находящихся в объектных отношениях друг к другу. В качестве же второго члена выступает имя существительное. Примеры: *н'ан'ын'ниса* «охотник» (*н'а* «зверь», *н'ын'* «охотящийся, ловящий», *ниса* «человек»); *чон'ын'носа* «рыбак» (*чо* «рыба» и те же *н'ын'*, *ниса*); *еспонивэ* «продавец» (*ес* «товар», *по* ~ *во* «держатель», *ниса* «человек»); *к'еотнух* «игла, при помощи которой вяжется невод» (*к'е* «невод», *от* «шьющий, вяжущий», *нух* «игла»), ср. *к'илкс* в том же значении; *члыфидунь* «указательный палец» (*члы* «наперсток», *фа* ~ *н'а* «одевающий», *тунь* ~ *дунь* «палец») и т. д. Лишь у нескольких трехкомпонентных существительных первый член состоит из существительного и числительного, смысловые отношения которых носят атрибутивный характер. Например: *носкей'рвныи* «небольшой котел с двумя ушками» (*нос* «уши», *кейр* «два», *вныи* «котел»); *носнык'рвныи* «большой котел с четырьмя ушками» (*нос* «уши», *нык'р* «четыре», *вныи* «котел»); *ихнык'рт'у* «четырёхконьная парта» (*их* «копылья», *нык'р* «четыре», *т'у* «парта»).

б) Объектно-подчинительные сложные существительные.

В качестве первых компонентов одного из типов этих имен существительных выступают имена существительные, взятые в форме основы, в качестве вторых — субстантивированные причастия или субстантивированные глаголы в форме на -дъ. Примеры: 1) *колхоз'ин'* «колхозник», буквально: «в колхозе находящийся»; *к'алмп'ин'* «житель с. Кальмы», буквально: «в Кальме находящийся»; *тахт'фин'* «житель с. Тахты», буквально: «в Тахте находящийся»; *лерш'тин'* «нивх острова Сахалина», буквально: «на Сахалине находящийся»; *аусмоын'* «любитель пения, человек, любящий слушать пение», и т. д.; 2) *чатыф'ид* (в.-с. д.) «щучка», *аамыть* «мужчина» (*аз* ~ *ар* «самец», *мудь* «становиться»), *К'ылаградь* — название одной сопки (*к'ыл* «ступа», *варадь* «ходить»).

В нивхском языке есть довольно значительное количество сложных существительных, которые состоят из имени существительного + причастия (глагольной основы) + + какого-либо словообразовательного суффикса существительных (чаще такими суффиксами бывают -ф, -с, реже —к). Смысловые отношения знаменательных компонентов таких сложных слов имеют объектный или предикативный характер. Имена существительные, образованные при помощи суффикса -с от составной словообразующей основы, чаще всего обозначают орудия, при помощи которых совершаются те или иные действия, направленные на выраженный в первом компоненте конкретный объект. Примеры: *чон'ын'с* «орудие лова рыбы» (*чо* «рыба», *н'ын'* — основа глагола *н'ын'дъ* «хотиться, искать»), *тён'ртас* «колотушка» (*тён'р* «голова», *та* ~ *за* — основа глагола *задъ* «бить»), *чосис* «крючок для рыбной ловли, острога на рыбу» (*чо* «рыба», *сп* < *сев* ~ *чев* — основа глагола *есить* «колоть»²), *ваг'зас* «конопатка» (*ваг'* «мох», *за* ~ *та* — основа глагола *задъ* «бить»), *к'ылыс* «пестик» (*к'ыл* «ступа», *ыс* — основа

¹ Здесь мы можем указать на следующие слова: *чадрыф* «большой, многосемянный дом» (числительное *тя* ~ *ча* «три сажени», суффикс -д, *тыф* ~ *рыф* «дом»); *Паск'райк* — кличка собаки (*паск'* «одна половина», *тай* ~ *рай* «пятно», словообразовательный суффикс -к); *ниняк* «глаз» (**ни* «один», *няк* «глаз, глаза») и некоторые другие. Интересно, что числительные до пяти во всех 26 системах числительных нивхского языка (а в некоторых системах — и числительные после пяти) исторически являются сложными существительными (сдвигами) и состоят из собственно количественных обозначений, общих для соответствующих числительных всех систем, и названий предметов счета. Многие из них полностью сохраняют предметные значения своих компонентов, например: *нахуи* «одна связка корма для собак», *мыр* «одна связка ююлки» и др.

² Гласный *е* здесь выпал в результате стяжения, *е* перешло в *п*, так как в результате указного стяжения произошло стечение двух шиповых.

глагола *выдь* «толочь») и многие другие. Некоторые имена существительные рассматриваемого типа обозначают людей, выполняющих то или иное действие, направленное на конкретный объект. Например: *меньоос* «рулевой» (*мень* «рулевое весло», *оо* ~ *по* — основа глагола *эдь* «держать»), *серишори* (в.-с. д.) «купец» (*сери* «товар», *оо* ~ *по* — основа глагола *эньд* «держать»), *саньвори* (в.-с. д.) «повар» (*вань* «котел, посуда для варена», *оо* ~ *по* — основа глагола *эньд*).

Немногочисленные имена существительные, образованные от составной словообразующей основы при помощи суффикса *-ф*, указывают на место, где обычно совершается то или иное действие, направленное на определенный объект. Примеры: *чорилыф* «место, где обычно вытгивают невод с рыбой на берег» (*чо* «рыба», *ирлы* — основа глагола *ирлыдь* «тянуть, вытаскивать»), *чорыйсуф* «место, где обычно на некоторое время оставляется в воде выловленная рыба» (*чо* «рыба», *ршыйсу* — основа глагола *ршыйсудь* «пускать рыбу в кукане, замачивать бочку»), *вытйаг'в* «место соединения наконечника стрелы с древком» (*выт* < *ыт* «железо»), *йаг'* — основа глагола *йаг'дь* «защемлять, закрепить»), *на'риаг'в* «расщепы в стреле, где укрепляется оперение» (*на'р* «перо», *йаг'* — основа *йаг'дь*).

Лишь в единичных случаях составные словообразующие основы присоединяют к себе суффикс *-ж*, например: *аскмуж* «самый младший ребенок в семье, самый младший детеныш животных» (*аск* — субстантивированное прилагательное «младший», *му* — основа глагола *мудь* «становиться»).

2. Сложные существительные сочинительного типа

К этим существительным могут быть отнесены: 1) сложные существительные, возникшие в результате сдвига двучленного предложения или причастного оборота, 2) сложные существительные, образованные в результате либо соединения слов, близких по значению, либо удвоения. Общим для сложных существительных обоих типов является то, что в отличие от сложных существительных подчинительного типа компоненты существительных разбираемых типов в семантическом отношении не зависят друг от друга и их связь носит соположительный характер. Сложные существительные-сдвиги весьма немногочисленны. Примеры: *н'ыжиг'ыл* — название одной породы уток с длинным хвостом [*н'ыжи* «хвост», *кыл* ~ *г'ыл* от *кыл(дь)* «длинный»]; *киур* «травя, которой выстилается обувь» [*ки* «обувь», *ур(ла)* «хороший»]; *книгаһумф* «этажерка» (*книга*, *һум* от *һумдь* «жить, находиться», *-ф* — суффикс места); *тён'рипаг'лак* — название одной из пород уток (*тён'ри* «голова», *паг'ла* «красный», *-ж* — суффикс); *й'очак* — собачья кличка (*й'о* < *й'ос* «шья», *ча* от *чан-дь* «белый», *-ж* — суффикс).

Существительные, образованные в результате удвоения или соединения слов, близких по значению, представляют собой в основном этимологически сложные существительные. Например: *к'арг'ан'* «заездок» (*к'ар* «столб» + *к'ар* + суффикс *-н'*, который исторически имела большая группа существительных), *к'арг'и* «столб, за который в доме старого образа призывался медведь» (оба компонента восходят к тому же *к'ар* ~ *к'ас*, во втором из них согласный утратил веларность в результате перехода *a > ы* в безударном положении), *тог* «рука» (*то* + *то*; ср. также *тог'к* «локоть», *тыг'к* «кисть руки», *чыг'м* «ладонь»), *тиг'р* «дерево, лес», *ч'ар* (в.-с. д.) «дерево, лес», *тла* «рукоятка острога», *к'ла* «выводная труба»¹.

*

Переходя к характеристике особенностей сложных существительных в их отличии от словосочетаний, отметим прежде всего, что многие существительные, сложный характер которых обнаруживается в результате лингвистического анализа, включают в свой состав такие знаменательные компоненты, которые в настоящее время либо не существуют в языке как самостоятельные лексические единицы, либо употребляются в других, отличных значениях. Указанное отличие некоторых сложных слов от словосочетаний является не результатом изначального расхождения в морфологической структуре, а следствием позднейшего развития сложных слов со времени их образования как лексических единиц. В пояснение сказанного приведем примеры на каждый из перечисленных выше случаев.

1) «Сложные существительные» со знаменательными компонентами, один из которых не существует в настоящее время как самостоятельное слово: *мусть* «боковые доски лодки» (*му* «лодка», **эть* «плоский плиткообразный предмет»; ср. показатель одной из систем числительных *эть* для счета кедровых досок, идущих на изготовленные лодок²), *этин'ири* «плоская тарелка» (*и'ири* «чашка», «посуда», **эть*), *этиг'ыл.и'р*

¹ Этимологии перечисленных слов даны ниже.

² Таковы числительные: *неть* «один», *меть* «два», *теть* «три» и т. д. О числительных этой системы и их показателе см.: Е. А. Крейнович, Гиляцкие числительные, М., 1932, стр. 7, 13; В. З. Панфилов, Нивхские количественные числительные. Автореф. канд. диссерт., Л., 1953, стр. 14.

«доска с небольшим углублением» (*кылмр* «доска», **эть*), *тыьх* «вершина дерева» (*ыь* «конец», **ти* «дерево»¹), *тиг'р* «дерево, лес» (**ти* «дерево» + *к'ар* ~ *хар* «палка», причем второй компонент утратил гласный *а*), *чхар* (в.-с. д.) «дерево, лес» (из тех же компонентов, но с выпадением гласного *и* и переходом *ть* > *ч* перед глухим шелевым), *тла* «рукоятка острого» (**ти* «дерево» + **ла* «палка, длинный деревянный предмет»²), *к'ла* «выводная труба» (**к'а/к'ы* «палка» + *ла*; ср. *к'ас* «столб, подпорка», *к'аури* «столб, палка для торможения» и другие слова того же корня³); *т'уг'р* «огонь» [корень *т'у* ~ *риу*⁴ (ср. *риудь* «жечь, сжигать», *т'уф* «дым», *т'ут* «рама очага») и *к'ар* ~ *хар* «палка, дерево», в котором гласный *а* выпал в результате стяжения, а озвончившийся после гласного *у* шелевой *й'* потерял свою велирность; таким образом, первоначальное значение *т'уг'р* — «горящее дерево, дрова») и др. 2) «Сложные существительные со знаменательными компонентами, которые в настоящее время как отдельные слова употребляются с другим значением или сохранились только в одном из диалектов: *hemар* «старик» и *hemань* «старуха» (из *hыьм* ~ *йыьм* «знающий, стареющий» и соответственно *ар* «самец», *ань* «самка», которые сейчас употребляются в этом значении только в отношении животных»⁵; *мати* «ручей» (*мат* «маленький» + *и* «речка»; последнее сохранилось только в восточно-сахалинском диалекте); ср. также *Мать,мати* — название одной речушки.

В момент образования ничем не отличающ от соответствующих словосочетаний по своей морфологической структуре, сложные существительные подвергались в дальнейшем определенным изменениям согласно фонетическим закономерностям нивхского языка. Так, в результате действия закона стяжения слов компоненты многих сложных слов утратили свои гласные, вследствие чего эти сложные слова по своей морфологической структуре уже отошли от соответствующих им словосочетаний⁶. Наличие такого рода расхождений (равно как и выше рассмотренных) между сложными словами и соответствующими словосочетаниями уже само по себе свидетельствует о том, что те и другие представляют собой принципиально различные языковые явления. Однако это не снимает положения о тождестве морфологической структуры сложных слов и им соответствующих словосочетаний в момент образования первых, поэтому указанные расхождения не могут служить критерием для отличия сложных слов от словосочетаний.

Анализируя различные соотношения значения сложного слова в целом и значения составляющих его компонентов, сложные слова можно разбить на несколько типов. Особое место занимают сложные слова, составной характер которых выясняется только в результате специального лингвистического анализа. Значения таких «сложных слов» никак не соотносятся со значениями их составляющих компонентов, и, строго говоря, они уже не могут считаться сложными словами (например: *т'уг'р* «огонь», *тиг'р* «дерево, лес», *тыьх* «вершина дерева» и т. п.).

Большинство авторов, рассматривая вопрос об отличии сложных слов от словосочетаний, обычно указывает на несоответствие значения всего сложного слова в целом с суммой значений его составляющих компонентов, в то время как значение, передаваемое словосочетанием, исчерпывается суммой значений его членов. В зависимости от характера сдвига значения всего сложного слова по отношению к значениям его составляющих компонентов можно выделить два типа: 1) сложные слова со значением, которое по своему содержанию богаче суммы значений составляющих компонентов, но в которое тем не менее включаются как один из моментов его содержания также значения составляющих компонентов⁷, и 2) сложные слова, в объем значения которых уже не входит как составная часть значение по крайней мере одного из их компонентов.

К первому типу сложных слов (существительных) могут быть отнесены: *пилачо*⁸

¹ В восточно-сахалинском диалекте в фольклорных текстах встречается слово *те* в значении «штабель дров».

² Ср. числительные *тла* «один», *мела* «два» и т. д. Относительно этимологии их показателя *-ла* см.: В. З. Панфилов, указ. соч., стр. 13.

³ С корнем *к'а/к'ы* сопоставляется показатель одной из систем числительных *-х* (ср. *нех* «один», *мех* «два» и т. д. — см. об этом там же, стр. 14).

⁴ Корень *т'у* ~ *риу* выделен Е. А. Крейн вичем в работе «Фонетика нивхского (гиляцкого) языка», стр. 68—69.

⁵ Этимология этих слов была предложена В. Грубе (W. Grube, Giljakisches Wörterverzeichnis, St. Petersburg, 1892, стр. 17). См. также Е. А. Крейн вич, Фонетика нивхского (гиляцкого) языка, стр. 88—89.

⁶ Например: *мых* «нос лодки» из *му* «лодка», *ыь* «конец»; *мыньдых* «торбаза» из *мыньды* «рыбья кожа», *ки* «обувь»; *вытх* «наконечник копыя, стрелы» из *выт* «железо», *к'у* «стрела»; *мачала* «шарень» из *мат* «маленький», *ог'ла* «ребенок» и др.

⁷ В силу этого передаваемые этими сложными словами значения оказываются более узкими, чем сумма значений их составляющих компонентов.

⁸ Ср. *т'уки* в том же значении.

«осетр», буквально: «большая рыба» (но не всякая большая рыба есть осетр); *н'алм(а)* «первый брой юколы с кожей», буквально: «жирная юкола»; *т'аклг'ема* «юкола, делаемая из брюшка рыбы» (*т'акл* «брюшко», *г'едь* «братъ, ма «юкола»); *полж'ар* «валежник», буквально: «унавшее дерево»; *мифсай* «родник» и т. д. К этому же типу сложных существительных, очевидно, могут быть отнесены многочисленные топонимические названия, как, например: *К'рысо* — собственное название одной деревни (*к'ры* «длинный мыс, во «деревня»), *П'рокаймыр* — название одной бухты (*п'рокай* «корюшка», *мыр* «бухта»), *Н'ыльдымы* — название одного источника (*н'ылы* < *н'ыла* «темный», *тымы* ~ *дымы* «ключ») и т. п., а также многие клочки животных, например, клочки собак: *Ловртай* (*ловр* «подмышка», *тай* «пятно»), *Ностай* (*нос* «уши», *тай* «пятно»), *Пукрай* (*пук* «кончик носа», *тай* «пятно»).

Более многочисленна группа сложных существительных, значение которых не связано непосредственно по крайней мере со значением одного из их компонентов. Таковы: *мизг'р* «уклоचना», *виж'уты* «ноздри» (*виж* «нос», *к'уты* «отверстие»), *т'уг'рму* «пароход» (*т'уг'р* «огонь», *му* «лодка»), *пылму* «самолет», *к'ен'йу* — один из видов утка (*к'ен'* «солнце», *йу* < *йу* «утка»), *мачала* «парень», *ниль'ых* — название одного мыса (*нильх* «язык», *ых* «конец»), *Тмы'аур* «Полярная звезда», *Няг'ри* — название одного созвездия и многие другие. Соотношение значений многих имен существительных этого типа со значениями их составляющих компонентов носит метафорический характер.

Говоря о расхождении значений сложного слова в целом и составляющих его компонентов, нельзя это явление ставить в связь только с последующим изменением значения сложного слова, как это обычно делают. Внутренняя форма слова даже в момент наименования того или иного предмета, явления обычно не отражает всего содержания соответствующих понятий, так как наименование тому или иному предмету, явлению обычно дается только по какому-либо одному признаку, которым данный предмет, явление легко отличается от других. Поэтому значения многих сложных слов с самого начала оказываются гораздо богаче по своему содержанию, чем сумма значений, выражаемых их компонентами. В связи с этим было бы неправильным говорить о переосмыслении компонентов сложного слова во всех тех случаях, когда содержание значения всего сложного слова в целом не совпадает с суммой значений, передаваемых его компонентами. О переосмыслении значений компонентов сложного слова можно говорить в тех случаях, когда значение хотя бы одного из компонентов сложного слова уже не связано непосредственно с тем значением, которое передается всем сложным словом в целом.

Является ли расхождение между значением сложного слова и значениями его составляющих компонентов тем моментом, который характеризует все сложные слова в отличие от словосочетаний? Анализ показывает, что в нивхском языке есть такие сложные существительные, значение которых почти соответствует сумме значений их компонентов, аналогично тому, как это имеет место в словосочетаниях. Можно назвать, например, такие слова, как *лыг'исо* «кета оцепняя», *велчо* «летняя кета», *калп'ин'* «житель с. Кальмы», буквально: «в Кальме находящийся» и др. Здесь по характеру отношений значений сложных слов и их компонентов можно выделить, наряду с двумя ранее названными, третий тип сложных слов.

Наличие случаев, когда между значениями сложных слов и суммой значений их компонентов не существует заметного расхождения, не означает, однако, что различие между сложными словами и словосочетаниями в семантическом плане не может быть проведено вообще. Это различие заключается в том, что ни один из компонентов любого сложного слова (как бы оно ни было близко по своему значению к соответствующему словосочетанию) сам по себе не имеет отдельного значения и не выражает отдельного понятия, что все сложное слово имеет только одно значение и выражает только одно понятие, в то время как каждый из членов свободного словосочетания имеет свое отдельное значение и сохраняет в потенции способность выразить отдельное понятие даже в случае, когда все словосочетание в целом передает только одно понятие.

Указанное различие между сложными словами и словосочетаниями обусловлено тем, что если синтаксические, смысловые отношения членов словосочетания являются живым осознаваемым моментом общения, то смысловые отношения компонентов сложного слова никогда не являются моментом общения, объектом осознания говорящего (если только не брать здесь того момента, когда происходит образование сложного слова)¹. В результате, если на любом из членов свободного словосочетания может быть сделано логическое ударение, то этого нельзя сделать в отношении компонентов сложного слова, т. е. ес-

¹ Следует отметить также, что значения некоторых сложных слов не могут быть параллельно переданы словосочетаниями, которые построены на примыканиях. Например: слово *мифсай* «родник» может быть передано только описательно как *мизг'р п'учах* «из земли выходящая вода»; *П'рокаймыр* — как *п'рокай йис мыр* «корюшку имеющая бухта»; *Ловртай* — как *ловруч тай йис(дь)* «пятно подмышкой имеющий»; *К'рысо* — как *к'ры п'и во* «на мысу находящаяся деревня» и т. д.

ли любой из членов словосочетания может быть логическим предикатом (иными словами — выражать отдельное понятие), то им не может быть компонент сложного слова: логическим предикатом может быть только все сложное слово в целом. Несовпадение значения сложного слова и сочетания значений его компонентов, как бы они ни казались близкими друг к другу, проявляется и в том, что объект, обозначаемый таким сложным словом, в момент сообщения может и не обладать теми признаками, которые составляют содержание его внутренней формы (*к'алмы'ин'* «житель с. Кальмы», буквально: «в Кальме находящийся» может в данный момент и не находиться в Кальме и, наоборот, не всякий человек, находящийся в данный момент в Кальме, является его жителем), в то время как словосочетание (свободное) всегда указывает на признаки, присущие объекту в момент сообщения.

Следствием семантической цельности сложного слова является и его отличие от словосочетания, заключающееся в том, что если каждый знаменательный член словосочетания может быть распространен каким-либо другим словом, то этого нельзя сделать в отношении любого компонента сложного слова в отдельности, а лишь в отношении всего сложного слова в целом. Любое распространение одного из компонентов сложного слова приводит к отторжению распространяемого компонента и разрушению самого сложного слова, к разрушению значения, им передаваемого. Например: *пилачо* «осетр», *леле пила* чо «очень большая рыба». Эта особенность сложного слова (как и невозможность вставить другое слово между компонентами сложного без нарушения значения последнего) также является одним из его существеннейших признаков, в котором проявляется функционирование сложного слова в предложении как единого целого, как одной лексической единицы.

По нашему мнению, семантическая цельность сложного слова является тем его основным и исходным признаком, который определяет отличие сложного слова от свободных словосочетаний в синтаксическом плане, формальные изменения компонентов некоторых сложных слов, обуславливающие формальное отличие сложных слов от соответствующих словосочетаний, и другие рассмотренные выше особенности сложных слов. Заметим, однако, что хотя семантическая и синтаксическая цельность и являются такими признаками, которые характерны для слова во всех языках, эти признаки не во всех языках отграничивают сложное слово от словосочетания. Известно, например, что в индоевропейских языках такими же признаками обладают также и устойчивые словосочетания, которые выполняют в языке ту же роль, что и слова (сложные слова), функционируя в языке как готовые единицы. Тем не менее, с логической точки зрения было бы неправильно исключать семантическую и синтаксическую цельность из числа признаков слова только потому, что есть другие языковые явления, которые, будучи переходными, также обладают этими признаками.

В. З. Панфилов

ЗАВЕРШЕННОСТЬ КОНСТРУКЦИИ КАК ЯВЛЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Одним из существенных моментов при характеристике синтаксических конструкций является установление их законченности или незаконченности. Вопрос о завершенности конструкции непосредственно сопрягается с вопросом о грамматической сочетаемости разрядов и форм слов. В своем наиболее общем виде грамматическая сочетаемость — это потенциальная способность определенных разрядов или форм слов сочетаться с другими разрядами или формами слов¹.

Однако характер этой потенциальности у различных форм весьма неоднороден. Даже у одной и той же формы некоторые из возможных сочетаний только факультативны, между тем как другие являются необходимыми — и это различие чрезвычайно важно в грамматическом плане. Например, в предложении *Окна дома ярко блестели на солнце* сочетаемость существительного (в данном случае *окна*) с определением в родительном падеже является факультативной, а сочетаемость определительного родительного падежа с определяемым существительным является обязательной. Предложение *Окна ярко блестели на солнце* вполне возможно, хотя оно и несколько беднее в смысловом отношении.

Итак, сочетаемость бывает факультативная и обязательная, причем у одной и той же формы слова обычно бывает не одна, а несколько «сочетатель-

¹ В дальнейшем изложении мы будем — там, где это возможно, — для удобства заменять выражение «разряды или формы слов» простым термином «форма».